

Л. Арабков, Ю. Леднев

*К 60-летию начала
Великой Отечественной войны
советского народа*

«Взвейтесь, соколы, орлами!»

Документальная повесть
о героических подвигах
представителей двух
вологодских семей

кТ 1317351

Вологда
«Русь»
2001

К читателю

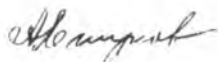
Книга посвящена нашим замечательным землякам — Александру Васильевичу и Борису Васильевичу Соколовым, Герою Советского Союза Борису Николаевичу Фарунцеву. У каждого из них своя судьба. Но объединяет их беззаветная любовь к Родине, величайшее трудолюбие и особая воля.

Вся короткая жизнь Александра Васильевича — это пример того, как простой мальчик из бедной семьи делал свою судьбу. Обладая исключительным трудолюбием, он не только материально обеспечивал семью, но по вечерам успешно учился. Не случайно этот человек проявил удивительные мужество и стойкость во время Великой Отечественной войны, будучи подпольщиком-чекистом на Николаевщине. И ничто не могло сломить этого человека: ни изощренные пытки, ни физическая боль. Он остался преданным своим идеалам, убеждениям.

Особенно приятно подчеркнуть, что брат Александра Васильевича, Борис Васильевич Соколов, был моим учителем, когда я учился в Вологодском пединституте. Но никогда этот талантливый преподаватель-физик не рассказывал ничего о своем тяжелом военном прошлом. Он пользовался уважением коллег и

студентов. Полагаю, что превосходное демонстрационное оборудование, ряд оригинальных приборов, которые и сегодня работают, появились благодаря Борису Васильевичу.

Книга, безусловно, окажется полезной для читателей, особенно молодых, которым сейчас, к сожалению, очень мало известно о настоящих подвигах наших героев-земляков.

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'Александр' (Alexander).

*Посвящаем нашим
детям и внукам,
чтобы помнили!*

Вступление

Уважаемые читатели, мы приглашаем вас к разговору о патриотах земли нашей, которые с полным правом, оглядываясь на пройденный путь, могли и могут сказать: «Да, это было с нами и со страной».

Эта книга о верных сынах России, о тех, кто защищал ее с оружием в руках, о тех, кто строил и строит ее мирную жизнь, о тех, кто своим трудом на педагогической ниве вносит свой вклад в будущее Родины.

Эта документальная повесть написана по архивным материалам ФСБ РФ, ФСБ РФ по Вологодской области, краеведческого музея г. Вологды, Вологодского государственного педагогического университета, по воспоминаниям ныне живущих героев книги, их родственников и знакомых, а также использованы публикации из русской и украинской печати. И еще... Подвигу группы разведчиков Лягина посвящена повесть Василия Ардаматского «“Грант” вызывает Москву». Один из авторов, перечитывая повесть, вдруг обнаружил, что в ней отсутствует как действующее

лицо Соколов-Васильев. Почему? Этот вопрос был задан во время встречи в Москве маститому писателю. И вот что он ответил: «Меня до сих пор мучает совесть, что я так поступил. Я знал о Соколове-Васильеве, и у меня были материалы на него как на заместителя Лягина. Но настолько они были похожи друг на друга по характеру, поведению и действиям, как бы выстроенные из одного монолита, что я не смог вывести двух руководителей. Васильев у меня не получился (Шрагин — собирательный образ). Во втором переработанном издании я исправлю эту ошибку»... Очевидно, не успел.

Авторы выражают глубокую благодарность В. В. Фомину О. В. Чурину, И. Э. Горшкову, патриотам-володжанам, и Н. С. Смирнову, москвичу, за активное участие в издании этой книги.

Особую благодарность за помощь в написании книги авторы выражают Борису Васильевичу Соколову и его дочери Анне Борисовне, а также ректору Вологодского государственного педагогического университета профессору Александру Павловичу Лешукову.

Арабков Леонид Васильевич, 1937 года рождения, уроженец города Кингисеппа Ленинградской области. В 1960 году окончил Новгородский государственный педагогический институт. Работал учителем, затем — на комсомольской работе. В 1964 году был направлен в органы государственной безопасности. 12 лет проработал в центральном аппарате КГБ

СССР, около 5 лет был начальником Управления КГБ СССР по Вологодской области, почетный чекист органов государственной безопасности, генерал-майор в отставке. Проживает в Вологде.

Леднев Юрий Макарович —

член Союза писателей и Союза журналистов России. Родился 25 ноября 1929 года в городе Макарьеве Костромской области. С 1972 года жил и работал в Вологде, куда был направлен собкором ТАСС. Автор 20 книг стихов и прозы, 30 песен, 8 драматических произведений. Некоторые его стихи переведены на иностранные языки, а также

вошли в антологию российской поэзии. Умер 27 апреля 2001 года во время работы над этой повестью.

Часть первая

СЕМЬЯ

Глава первая

КАК ВАСЯ ЖУКОВ СТАЛ ВАСИЛИЕМ СОКОЛОВЫМ

Если ехать из Вологды по шоссе на Шексну, не более чем в трех десятках километров будет деревня Прохорово. Вот отсюда и пошел корень рода наших героев.

Жил когда-то тут черносошный крестьянин Захар Николаевич Жуков. И было у него двое детей: сын Вася и дочь Оля.

Ольга Захаровна Жукова после замужества приняла фамилию мужа — Фарунцева Николая Михайловича. К рассказу о Фарунцевых мы еще вернемся. Но самое удивительное, что Василий Захарович Жуков отцовскую фамилию умудрился поменять. А случилось это так.

Пришло время мальчику идти в школу. Тогда не было в деревнях такой привычки приводить новичков-школьников к учителю за ручку. У крестьян считалось: коль вымахали парень али девка выше стола, так пора самим о себе заботиться.

И вот стайка деревенских ребят собралась записываться в первый класс. Оказалось, что все они, кроме одного, были Соколовы, носили самую распространенную в деревне Прохорово фамилию. И только Вася был Жуковым, или Жучком, как прозывали его сверстники. То ли Васятке показалось это обидным, а только не захотел малец выделяться среди товарищей.

Учитель с любопытством рассматривал мальчишек. Значит, вы все Соколовы?

— Ага!

Было видно, что ребята сговорились. Вон тот, у которого глаза хитрющие, никакой, пожалуй, не Соколов. И не похож он на соседей, хоть тоже курносый. Но упрямо твердили мальчишки: «Соколовы мы». А учитель, видно, был романтиком. Улыбнулся он детям и сказал: «Ну, что ж, это хорошо, что в школу столько соколов прилетело».

Раскрыл учитель журнал и стал записывать: «Соколов Алексей, Соколов Николай, Соколов Василий...» и так далее.

Рассказ об этой забавной истории и по сей день вспоминают в большой семье Соколовых. Еще бы! Потом эта фамилия прочно закрепилась за Василием не только в школе, но и повсюду. Она перешла и к жене, и к детям, и к внукам, и к правнукам.

А жену себе, Аню Оловянникову, Василий приглядел в деревне Булаково, куда хаживали прохоровские на гулянки по престольным праздникам. Невелика дорога для свиданий — восемь километров. И

надо сказать, что оба — и жених и невеста — окончили начальные (приходские) школы с похвальными листами.

После женитьбы основным занятием Соколовых, как в бытность и их родителей, было сельское хозяйство, но в зимний сезон Василий отправлялся на заработки в Вологду, работал кондуктором на поездах Северной железной дороги. Эта побочная работа и оказалась для него роковой.

В те годы в стране был голод. По железной дороге даже на крышах вагонов двигались скопища мешочников. Повсюду — грязь, свирепствовал сыпной тиф. Василий Соколов подцепил сыпняк и умер в 1921 году.

Глава вторая

«НЕ ПЛАЧЬ, МАМА!»

Совместная жизнь Василия Захаровича и Анны Дмитриевны Соколовых оказалась недолгой. Но и за десять лет супружества успели появиться трое сыновей: в 1912 — Александр, в 1914 — Дмитрий, в 1918 — Борис. Тридцатидвухлетней вдове Анне Дмитриевне Соколовой пришлось испытать немало трудностей, имея на руках троих малолеток.

Кто постиг крестьянский труд, тот знает, что женщине одной с этим не справиться. Надо и скотину содержать, и землю пахать, и домашнее хозяйство

*В. З. Соколов (Жуков). Стоит справа.
Фотография из личного архива Б. В. Соколова*

*А. Д. Соколова.
Фотография из личного архива
Б. В. Соколова*

вести. А тут еще трое детей, из которых старшему нет и десяти.

И однажды у Анны опустились руки. Сломалась ось у телеги, на которой она вывозила на поле навоз. Мать троих детей так и рухнула на межу, у которой застряла сломанная повозка. Пришлось выпрягать лошадь и возвращаться в избу с рыданиями в голос.

Села мать на лавку, окружили ее сыновья — вся троица. «Не плачь, мама!» — сказал младший. Погладил по голове плачущую мать средний. А старший взял в руки топор и пошел к меже, где осталась телега. Никто не видел, как трудился Александр у межи. Может, и помог ему кто из мужиков-соседей, а только сломанная ось была починена.

Сын до того был окрылен такой победой, что потом и новую телегу сделал. И мать опять заплакала, теперь уже от радости.

Надо ли говорить, что у братьев Соколовых все самые сильные и четкие впечатления детства были связаны с материальными трудностями.

Глава третья

ПЕРВОЕ ПОЛЕ БОЯ

Борис Васильевич Соколов вспоминает:

— Конечно, опорой семьи после смерти отца стал брат Саша. Он окончил лишь начальную школу, которая располагалась в трех километрах от родной нашей деревни в деревне Терпелка. Дальней-

шее образование для Александра было невозможно. Ведь для этого пришлось бы ехать в Вологду, так как поблизости ни семилеток, ни средних школ просто не было.

Да, символичными были в старину названия русских деревень! Помните, как у Некрасова:

*На столбовой дороженьке
Сошлись семь мужиков:
Семь временнообязанных
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень —
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова,
Неурожайка тож...*

Современный читатель ухмыльнется: «Придумал Николай Алексеевич, сгустил красочки...».

Что ж, может, и допустил поэт некоторую гиперболу, да недалек был от истины. Еще лет тридцать назад от начала так называемой «перестройки» Верховный Совет нашей страны принимал специальный указ о переименовании некоторых российских деревень, чьи названия были сродни тем, некрасовским. Да и деревня Терпелка, упомянутая Борисом Васильевичем Соколовым, была, видать, из того же раз-

ряда. Именно в этой деревне проходили начальную школу три брата Соколовы.

Пусть простит нас читатель за небольшое отступление от главного повествования.

Однако вернемся к братьям Соколовым.

Александр рос смышленным парнем. Еще будучи подростком, он выполнял все мужские работы по хозяйству. По мере сил помогал ему и средний брат — третьеклассник Дмитрий.

Подрастал и младший — Борис. Видя старания старших братьев, он тоже тянулся и к труду, и к знаниям. И вовсе неудивительно, что Боря, когда ему исполнилось восемь лет, был принят сразу не в первый, а во второй класс. Запомните, читатели, эту вроде бы и небольшую деталь. В дальнейшем вы увидите, что в биографии ученых ничто не бывает случайным.

Но пока мы больше рассказываем об Александре Соколове. И тому есть своя причина. Ведь на его плечи легли наиболее тяжелые крестьянские работы и заботы. Тут были и пахота, и заготовка, и доставка из леса дров. И опять невольно вспоминается Некрасов, его «мужичок с ноготок», с той лишь разницей, что в лесу раздавался топор дровосека, которому исполнилось всего двенадцать лет.

Добавим, что Саша в те годы еще овладел и сапожным делом, научился ремонтировать обувь.

Глава четвертая

ЗДРАВСТВУЙ, ВОЛОГДА!

Анну Дмитриевну от перенесенных лишений стала мучить изнурительная язвенная болезнь. Требовалась врачебная помощь, а она была далековатс от деревни. Кроме того, и детям надо было продолжать образование. Тут не о Саше шла речь, а о Мите и Боре. Нельзя же их было оставлять с четырехклас- сным багажом.

Состоялся семейный совет, и на нем было реше- но перебраться в Вологду под крыло к родственни- кам Фарунцевым, которые и раньше не оставляли Соколовых без помощи. Но что за помощь издалека! А тут появилась возможность при поддержке роди- чей получить и жилье в городе.

Идею стать горожанами выдвинул старший муж- чина в доме — все тот же Александр. Ему уже стук- нуло пятнадцать, и стал он к тому времени не только главным работником, но и кормильцем семьи.

В Вологде Александр Васильевич, как его стали уважительно называть даже люди более солидные по возрасту, устроился работать учеником в частную мясную лавку (в стране еще сохранялись остатки «нэпа») и проявил там себя наилучшим образом. Хо- зяин симпатизировал сноровистому юноше и, зная о семейных нуждах Соколовых, кроме зарплаты (14 рублей), давал частенько и мяса.

Современникам-вологжанам хорошо известно здание бывшего Дома пионеров на Советском проспекте. Сейчас там блистает золотистыми фонарями детский музыкальный театр. Так вот, в конце двадцатых годов прошлого столетия вечерами можно было видеть, как из подвала этого здания выходил молодой человек с сумкой и направлялся домой, напевая себе под нос какую-нибудь песенку. Дома его ждали мать, братья. Он улыбался домочадцам, делился впечатлениями дня и доставал из сумки что-нибудь съестное.

По отзывам всех, кто его знал, Саша Соколов был добродушным, уравновешенным, никогда не унывающим человеком, любил песни, особенно народные, например, «Степь да степь кругом...» или «Ехали цыгане с ярмарки домой...».

Говорят, что позднее нравилась ему и песня военная, тем более что она ему была близка своим смыслом: «Взвейтесь, соколы, орлами!».

Разумеется, из подвала мясной лавки «взвиться орлом» было мало возможностей. И, наверное, поэтому Саша Соколов живо интересовался, чему его братьев учат в школе. Нередко перед сном он беседовал с младшими братьями об их успехах в школе. Видимо, он хотел проследить за успехами младших, да и сам приобщиться к новым знаниям. Особенно нравились ему рассказы по истории. Весьма удивлялся нравам первобытнообщинного строя и рабоче-владельческим законам.

Глава пятая

И ВЫПАЛИ БОГАТЫРЯМ ДОРОГИ РАЗНЫЕ...

Читатели, наверное, знакомы с былиной, где упоминается вещий камень, что встречается богатырям на распутье. У этого камня каждому приходилось выбирать свою дорогу. Нечто подобное произошло и с братьями Соколовыми.

В самом конце тридцатых годов Александр отслужил в армии и демобилизовался в должности помощника командира взвода с тремя треугольниками на воротнике. На гражданке он выбрал пропагандистскую деятельность на Северной железной дороге. В его распоряжении был спецвагон, оборудованный книгопередвижкой и прочей «агитационной кухней».

Средний брат, Дмитрий, закончил техникум потребительской кооперации, затем длительное время работал плановиком-экономистом в различных организациях города Вологды, в начале 1960-х годов стал инструктором промышленного отдела обкома КПСС.

Что же касается Бориса Соколова, то он решил связать свою судьбу с наукой, о чем нам еще предстоит рассказать подробнее. А пока он был призван в армию и служил на Дальнем Востоке.

«Сороковые роковые» годы совсем разбросали братьев, так что связывала их только переписка, да и та скоро оборвалась.

Самыми памятными для Бориса были два письма, полученные от Александра незадолго до Великой Отечественной. «Саша, — вспоминает Борис, — писал мне на Дальний Восток, что его направили учиться в Ленинградскую спецшколу НКВД и что учиться он там только на “отлично”». Война и, как выяснилось позднее, подпольная работа Александра в тылу у фашистских захватчиков, прервали переписку.

Особенно хочется вспомнить о тетушке братьев Соколовых — Ольге Захаровне и ее муже Николае Михайловиче Фарунцеве. Их сын Борис Николаевич Фарунцев стал Героем Советского Союза. Столь высокого звания двоюродный брат Соколовых удостоился за форсирование Днепра, когда наша армия начала освобождение Украины от фашистов, на территории которой приближал победу наших войск своей подпольной работой в тылу врага чекист Александр Соколов. Но об этом в других главах.

Часть вторая АЛЕКСАНДР

Глава шестая

КАК КУРСАНТ СОКОЛОВ СТАЛ РАЗВЕДЧИКОМ ВАСИЛЬЕВЫМ

«Курсант Соколов, к начальнику школы!»

Он давно ждал этого. Еще в конце июня, когда немецкие самолеты начали бомбить наши города, а наземные войска фашистов вторглись на территорию Советского Союза, вологжанин Александр Васильевич Соколов подал рапорт с просьбой отправить его на фронт. Впрочем, так поступили многие курсанты школы НКВД.

И вот первый вызов. У начальника школы озабоченное лицо. Разговор получился коротким:

— Вы подавали рапорт об отправке на фронт?

— Так точно!

— Получен приказ из Москвы направить одного из лучших курсантов в распоряжение особой группы при наркоме. Можете гордиться: выбор пал на Вас. Получите литер, проездные и отправляйтесь.

— Меня пошлют на фронт?

Начальник школы чуть заметно усмехнулся:

*А. В. Соколов с женой Зоей.
Фотография из личного архива Б. В. Соколова*

— Возможно, даже дальше... Желаю успеха!

В последних, совсем не командирских фразах Соколов почувствовал уверенность старого воина и обеспокоенность серьезностью той задачи, которая выпадает на долю курсанта.

А задача и впрямь оказалась весьма и весьма значительной. Вскоре после выступления Сталина по радио в Наркомате внутренних дел началась серьезная подготовка разведывательно-диверсионных групп и одиночек-разведчиков для заброски их в тыл врага.

Первыми оперативными группами такого рода были «Форт» под командованием В. А. Молодцова и «Местные», где командиром был назначен В. А. Лягин. Пунктами назначения оказались Одесса и Николаев, опасность сдачи которых неприятелю все возрастала...

В Москве, в наркомате, Александра приняли вечером. В кабинете окна были зашторены — светомаскировка. Лампа с зеленым абажуром бросала мягкий свет на стол, за которым с одной стороны сидел Соколов, с другой — хозяин кабинета.

«Александр Васильевич,— начал разговор хозяин, — Вы догадываетесь, зачем мы Вас пригласили? Нет? Так послушайте. Вам известно выступление товарища Сталина. Сейчас у нас задача сделать так, чтоб земля горела под ногами гитлеровских захватчиков. На захваченную немцами территорию Украины забрасываются разведывательно-диверсионные группы из подготовленных к этой работе чекистов.

В Николаеве будет такую группу возглавлять один из сотрудников НКВД. Мы решили назначить Вас его заместителем».

Наступила минутная пауза. Александр почувствовал внимательный взгляд говорившего. Он решил уточнить:

— Мне необходимо знать детали задания.

Собеседник чуть заметно улыбнулся.

— Не спешите. Командиром группы будет майор Лягин. Но для всех, кроме Вас, он будет Корнев. Легенду свою он Вам расскажет сам, а о Вашей легенде давайте подумаем вместе. Что если по документам Вы будете не Соколов, а Васильев? Это по имени Вашего отца. Далее: Вы из вологодской глубинки, впрочем, это соответствует действительности...

Заместитель наркома, а это был он, опять немного помолчал. Соколов терпеливо ждал.

— Теперь что касается основной задачи. Она будет состоять из трех частей. Во-первых, разведка. Сюда входит исчерпывающая информация обо всех войсковых передвижениях врага. Во-вторых, диверсии. Здесь в поле Вашей деятельности все объекты транспорта: порт, аэродром, железная дорога. И, в-третьих, подъем населения на борьбу с оккупантами. Ваша группа получила название «Местные». Это не случайно. Ставку надо делать именно на жителей Николаевщины. С другими деталями задания — маршрутом движения к месту назначения, явками, паролями и, главное, с другими членами группы — познакомьтесь перед заброской...

Беседа затянулась далеко за полночь. Заканчивая ее, заместитель наркома поинтересовался положением семьи Соколова и разрешил на пару дней съездить в Вологду. На прощание — крепкое рукопожатие и тихое, но четкое «В добрый путь!».

Конечно же, Соколов не мог знать, что в те же дни в Подмоскovie шла активная подготовка для заброски в тыл противника такой же группы, возглавляемой Медведевым, с главным исполнителем задания Николаем Ивановичем Кузнецовым — легендарным Героем Советского Союза.

Глава седьмая

КТО ХОЗЯИН В НИКОЛАЕВЕ?

К концу ноября 1941 года фашистские войска уже глубоко врезались в пределы нашей страны. И от Николаева фронт порядком шагнул на восток. Генерал Гофман, немецкий комендант города, решил отметить свой день рождения, а заодно и пятимесячный «юбилей» со дня нападения доблестных германских войска на Советский Союз.

— На всех фронтах дела идут успешно. Вот-вот падет Москва. Близок победоносный конец войны... И к черту светомаскировку! Нам нечего бояться! Мы здесь хозяева!

Так заявил приглашенным Гофман и со всей широтой городского главы развернул пирушку. И длиться бы весельем до утра! Но...

В полночь в городе рванул взрыв. Зазвенели стекла в незатемненных окнах гофмановской квартиры. «Вас ист дас?» (Что это?) Гофман и его захмелевшие гости хлынули на улицу.

В городском парке, который фашисты превратили в базу горючего, бушевало пламя, высоко освещая осеннее небо. Взлетели в воздух резервуары с горючим и несколько автомашин. Противник на длительное время был лишен возможности использовать боевые самолеты, базировавшиеся на николаевском аэродроме. Прекратились и вылеты отсюда тяжелых бомбардировщиков, бомбивших наши города и села.

Первый взрыв означал лишь начало. Он извещал Гофмана и его компанию о том, что в городе есть настоящий хозяин. Это он бросал вызов чужакам. За первым взрывом последовала серия диверсий, одна другой дерзновеннее.

На судоремонтном заводе заканчивался ремонт плавучего дока. Этот док был крайне необходим немцам для восстановления поврежденных в боях на Черном море кораблей. Но в день окончания ремонтных работ готовое сооружение на глазах у оккупантов утонуло в волнах Южного Буга. А через некоторое время, летом 1942 года, в районе Николаева потерпели крушение три воинских эшелона. На пущенных под откос железнодорожных составах погибло много живой силы и военной техники. А тут еще взорвался котел в цехе судостроительного завода. На предприятии сгорела вся электропроводка.

Все эти чрезвычайные происшествия не могли быть случайными. В оккупированном Николаеве действовала группа чекистов, тех самых чекистов, что были оставлены в тылу врага для выполнения спецзаданий. Руководителями группы были В. А. Лягин и А. В. Соколов.

Глава восьмая

МАГДАЛИНА ДУККЕРТ-КОРНЕВА

Немцы вошли в город Николаев 16 августа 1941 года, когда после кровопролитных боев Красная Армия оставила этот порт на Южном Буге.

С первых же дней оккупации в городе начались обыски, облавы и аресты. Оккупанты уничтожали коммунистов и комсомольцев, бросали в застенки гестапо всех, кто вызывал у них малейшее подозрение. Расстрелами и виселицами они хотели запугать народ, сломить его дух, заставить отказаться от сопротивления. Кроме того, они искали себе опору среди населения.

Надо сказать, что в Николаеве, как и во многих других городах южных областей Украины, значительную прослойку среди проживающих составляли немцы. Они были переселены сюда из Германии во времена царствования Екатерины II.

*Герой Советского Союза В. А. Лягин (Корнев) —
руководитель разведгруппы.
Фотография из личного архива Б. В. Соколова*

Просто находкой оказалась для оккупантов семья Эмилии Дуккерт, которая была дочерью бывшего херсонского помещика. До революции много лет прожила в Германии, где ее муж, окончив медицинский факультет, проходил врачебную практику. Своим происхождением, изысканными манерами, осведомленностью о Германии она заинтересовала фашистов и внушила им полное доверие.

Эмилия давно овдовела. В Николаеве она жила одна. Ее дочь Магдалина окончила в Ленинграде музыкальное училище и там же осталась работать учителем музыки и пения в одной из школ. Перед началом войны она приехала к матери в отпуск во время летних каникул, да так и осталась в Николаеве. А через несколько дней прибыл сюда и ее муж. Ни дочь Эмилии, ни ее зять не вызывали у немцев подозрений. Семью Дуккерт они стали считать своей, «чисто немецкой семьей».

В доме Дуккертов по вечерам стали собираться немецкие офицеры и другие представители оккупационных властей. Хозяйка дома умела занимать «знатных посетителей». Дочь ее исполняла на рояле музыку великих немецких композиторов, была любезна, весела и приветлива с гостями. Муж Магды среди гостей держался свободно, непринужденно, позволял себе вступать с ними в спор не только по поводу техники, но и по вопросам искусства.

Читателям, думается, небезынтересно узнать, что «муж» Магдалины, носивший теперь двойную фами-

пию Дуккерт-Корнев (настоящая его фамилия Лягин), на самом деле был чекист-разведчик.

Постепенно оккупанты начали наводить в городе свой «новый порядок», создавая различные учреждения, принимая на службу в основном немцев по национальности. Не были обойдены и Дуккеры. Магдалина легко получила должность секретаря-машинистки и переводчицы у адмирала фон Бодекера, в ведении которого находились все судостроительные заводы Черноморского побережья, занятого фашистами.

На одном из вечеров в доме матери Магдалина Дуккерт-Корнева познакомила адмирала со своим «мужем». В результате этого знакомства на судостроительном заводе появился новый инженер.

Однако вернемся в нашем повествовании несколько назад. Сотрудники разведывательно-диверсионной группы НКВД прибыли в Николаев в конце июля 1941 года. Бои гремели совсем рядом, над городом нависла угроза сдачи, и оставалось совсем немного времени, чтобы обосноваться в совсем незнакомом месте, войти в ритм его жизни, найти хорошее прикрытие...

Местные чекисты помогали прибывшим как могли: подыскивали квартиры, устраивали на работу, обеспечивали надежными документами, закладывали в тайники оружие и взрывчатку.

Вологжанин Соколов-Васильев поселился на квартире у гречанки Зинаиды Николаиди. Лягина-Корнева решили устроить в немецкой семье. Как было

*А. В. Соколов (Васильев) —
заместитель руководителя разведгруппы.
Фотография из личного архива Б. В. Соколова*

условлено еще в Ленинграде, выбор пал на Эмилию Дуккерт. Семья ее хорошо была известна чекистам, несмотря на происхождение, сомнений в надежности не вызывала. Предполагалось, что Дуккерт, как представительница бывшего высшего сословия, будет вне подозрений у фашистских властей. Условились, что чекист Корнев выдаст себя за мужа Магдалины. Забегая вперед, скажем, что легенда эта была выбрана весьма удачно. И даже когда Корнев был разоблачен гестапо, Магде и ее матери удалось избежать расправы. Они просто убедили своих покровителей, Гофмана и Бодекера, что не были посвящены в истинное положение вещей. Рассказ об этом впереди.

Перед приходом фашистских войск Корнев собрал всех членов группы. На этом первом и последнем общем сборе он объявил систему связи, которой с этого дня стали пользоваться чекисты. В дальнейшем они ни разу больше вместе не собирались. Виктор Александрович Корнев запретил сотрудникам самостоятельно, без его согласия приступать к активным действиям. Надо было переждать, пока пройдет волна репрессий.

Перед каждым из чекистов возникали самые неожиданные сложности. Были они и у руководителей группы.

Гестапо в числе первых по чьему-то доносу арестовало врача туберкулезной больницы Марию Любченко, которая лечила Магдалину Дуккерт-Корневу. По сути дела, она была домашним доктором всех Дук-

кертвов, вела за ними постоянный врачебный контроль. Поэтому она еще до войны стала своим человеком в этой семье и была первой, с кем из посторонних Магдалина познакомила своего «мужа».

Пока Любченко находилась под арестом, над Корневым нависла опасность провала. На допросах в гестапо Мария вполне могла назвать Корнева в числе своих знакомых. Появление его в Николаеве за две недели до прихода немцев могло насторожить их.

Вскоре к этой опасности прибавилась еще одна. Эмилия Дуккерт жила в просторном особняке, часть комнат в котором пустовала. Это очень беспокоило Корнева. Оккупанты, несомненно, займут всю пустующую площадь. А такое соседство чекисту было ни к чему. Но Корнев ничего не успел предпринять — сам комендант города генерал Гофман поселился в этом особняке.

Теперь под одной крышей стали проживать два антипода. Стоило Корневу чуть ошибиться, дать малейший повод для подозрений — и полный провал обеспечен. Надо было постоянно, и днем и ночью, даже одному у себя в комнате не забывать об опасности. И дело было не только в Гофмане. Допустим, сам комендант и не будет присматриваться к Корневу, но будут пристально смотреть за окружением генерала те, кому по службе положено его охранять. Они-то уж проследят за каждым шагом Корнева! Знание немецкого языка, родство с Дуккертами, умение расположить к себе и предусмотрительность во всем помогли Корневу отвести от себя подозрения. Проч-

ное положение завоевал он и на службе. На заводе быстро освоился с делом и стал считаться знающим специалистом. Ему удалось добиться безграничного доверия адмирала Бодекера.

Глава девятая

ПЕРВЫЕ ДИВЕРСИИ

Однажды Корнев сказал Васильеву: «Наша организация стала очень громоздкой. Нашу группу нужно отделить от подпольщиков, ее задача — разведка и диверсии. Бери командование ею на себя. Так нас труднее будет разоблачить. Выберите нужный момент и начинайте действовать».

Так вологжанин Соколов-Васильев стал руководителем всей чекистской группы на Николаевщине. Это был рассудительный, неторопливый, всегда внешне спокойный человек, кряжистый, физически крепкий атлет невысокого роста. С первого взгляда он казался замкнутым и суровым, как и большинство северян... Но это среди незнакомых. А в кругу друзей он был душевным и отзывчивым человеком. И еще было у него правило: сам погибай, а товарищей выручай. Этот принцип стал главным в решительную минуту, когда готовился его побег из застенков гестапо.

Читатели уже знают, что Соколов родился и вырос в крестьянской семье недалеко от Вологды в небольшой деревеньке Прохорово. Детство его было

трудным. Учиться пришлось мало. Надо было работать. Образование он получил позже, совмещая учебу с трудом. К счастью для молодого человека, в 1930-х годах в Вологде при педагогическом вузе был создан вечерний рабочий факультет. Туда и поступил Александр. Тогда же вступил в комсомол, а потом уже в партию. Партия и направила его в органы НКВД.

По пути из Ленинграда в Николаев он на два дня заехал в Вологду попрощаться с женой и двумя маленькими сынишками. Успокаивая близких, говорил: «Не горюйте, я ненадолго». И сам не верил этому. На душе было тревожно. В Николаеве Соколов устроился работать кондуктором грузовых поездов — пригодился опыт, приобретенный в период работы на железной дороге.

К осени 1941 года фашисты почувствовали себя в Николаеве увереннее. В городе стихли аресты. Гестапо сочло возможным выпустить кое-кого из арестованных ранее. Освободили и врача Любченко. Она опять стала навещать Магдалину Дуккерт. Волна репрессий миновала чекистов. Никто из них не попал в поле зрения гитлеровских карателей. Соколов решил: пора действовать. Связался с Корневым, тот дал добро.

К первой диверсии готовились особенно тщательно: не было опыта. Кроме того, каждый понимал, что от первых результатов зависит вся последующая работа. Подготовку этой операции принял на себя сам Соколов, взяв в помощники отчаянного парня Сидор-

чука. Они изучили систему охраны базы, порядок за-воза горючего и доставку его бензовозами на аэродром. Доложили свои соображения Корневу. Вместе обсудили несколько вариантов, пока не остановились на самом простом.

Поздним вечером у контрольного пункта при въезде на базу горючего во время проверки часовыми документов возле остановившегося бензовоза неожиданно появились двое подвыпивших. Один из них отвлек внимание солдат. Второй, горланя песню, обошел машину сзади, прикрепил к ней магнитную мину. Взрыв произошел, когда выкачивали горючее из бензовоза в резервуар хранилища.

Следующую диверсию предприняли в автопарке трактороремонтного завода и на армейских вещевых складах, расположенных в здании обувной фабрики. Подготовкой и выполнением акции занимались теперь уже трое: Соколов, Сидорчук и Гавриленко. 24 декабря 1941 года в разных концах города одновременно запылали пожары. Пожарные машины с ревом пронеслись к местам происшествий. Но не тут-то было. На трех дорогах оказались разбросанные кем-то цепи с острыми шипами. С уничтожением складов фашистская пехота оказалась «разутой»: сгорел огромный запас автопокрышек, а немецкие солдаты с наступившими холодами не получили теплой одежды.

Удача окрылила чекистов. Соколов стал думать о более масштабных действиях.

Глава десятая

СМЕРТЬ СИДОРЧУКА

Город Николаев расположен при слиянии Южно-го Буга с рекой Ингул. Через Ингул переброшен мост, а за мостом, в треугольнике, образованном реками, на ровной, как стол, степи располагался аэродром. На нем базировались тяжелые бомбардировщики. Каждую ночь гудели моторы, с надрывным воем взмывали в небо самолеты. Они несли смерть туда, где наши бойцы, истекая кровью, защищали родную землю.

Совершить диверсию на аэродроме стало перво-степенной задачей наших разведчиков. Но все досту-пы к объекту усиленно охранялись, и подойти к нему по голой степи казалось делом невозможным. Оста-валось одно: кому-то из чекистов устроиться на аэро-дром вольнонаемным рабочим. Выбор пал на Сидор-чука. Он владел немецким языком и мог сойти за «местного» немца, а при приеме на работу оккупан-ты отдавали предпочтение именно таким людям.

Ежедневно на работу и обратно проходили по мо-сту через Ингул местные рабочие. Сидорчук стал наблюдать за людским потоком. Скоро он приметил милovidную девушку. Ему удалось познакомиться с ней. Девушку звали Галина Коль. Дружба между мо-лодыми людьми крепла. Вскоре Галя стала доверять новому другу все свои тайны, призналась, что она комсомолка. «Почему же не эвакуировалась?» —

*А. П. Сидорчук — член разведгруппы.
Фотография из личного архива Б. В. Соколова*

спросил ее Сидорчук. Девушка смутилась, но, зная об истинных убеждениях Сидорчука, созналась, что осталась для работы в тылу врага, хотя ее до сих пор не привлекали к делу. Слова Галины были искренними, Сидорчук сразу почувствовал это, но раскрываться перед ней он не имел права. После этого разговора не раз еще возвращались они к затронутой теме. Сидорчук все больше и больше убеждался в надежности понравившейся ему девушки. Во время одного из свиданий он рассказал Гале, что работает портовым грузчиком и очень устает. Галина решительно заявила, что поможет Сидорчуку устроиться на аэродром. Начальство принимает тех, кто рекомендован обслугой, а она представит его своим родственником. Сидорчук, конечно же, согласился. И через несколько дней он стал аэродромным рабочим. Взяли его кочегаром в котельную.

Прошла зима. Наступили теплые мартовские дни. К этому времени Сидорчуку удалось скопить нужное количество взрывчатки, которую он ежедневно понемногу проносил в тайник, устроенный в кочегарке.

В ночь на 9 марта 1942 года кочегар подключил взрывное устройство к своему тайнику и покинул аэродром. Через некоторое время кочегарка взлетела на воздух, загорелись мастерские, огонь перекинулся на баки с горючим, они стали взрываться. Бушующее пламя уничтожило несколько бомбардировщиков.

Соколов приказал Сидорчуку немедленно исчезнуть из города. После этой дерзкой операции Сидор-

чуку пришлось долгое время скрываться. К счастью, немцы не искали его. Они думали, что взрыв произошел по неосторожности и кочегар сам погиб в огне. Только к осени Соколов разрешил Сидорчуку вернуться в город и принять дальнейшее участие в делах группы.

Чекисты подготовили взрыв резервуаров с горючим на территории порта. Сидорчук уже работал в порту, поэтому обстановка была знакома ему до мелочей. Но произошло несчастье — в руках Сидорчука взорвалась бутылка с горючей смесью. Он получил смертельные ожоги, попал в больницу. Врачи принимали все меры, чтобы спасти ему жизнь. Этого требовали от них гестаповцы, которые дежурили у постели Сидорчука круглосуточно, и как только он приходил в сознание, допрашивали с пристрастием.

Сидорчук умер в страшных мучениях, не открыв тайны врагу. Лицо его было настолько обожжено, что никто не опознал в нем бывшего аэродромного кочегара. Так отдал свою жизнь за свободу нашей Родины верный ее сын — Александр Петрович Сидорчук. Родом он был из села Родочин Волынской области. А уроженец деревни Прохорово Вологодской области в тот день впервые заплакал. И были страшны эти дорогие мужские слезы.

Глава одиннадцатая

ПРОВОКАТОР

Непрекращающиеся диверсии окончательно вывели из себя генерала Гофмана. В них он видел не только материальный ущерб. Это подрывало боевой дух немецкой армии, основательно трещал по всем швам так называемый «новый порядок». В ряды борющихся с захватчиками приходили свежие силы. Ударная мощь Сопротивления нарастала. Гофман поднял на борьбу с диверсантами не только полицию, но и контрразведку.

А живущий в соседней с генералом комнате чекист Корнев уже разрабатывал новые планы борьбы с оккупантами. К лету 1942 года на Николаевщине разрозненные патриотические группы слились в единую организацию, во главе которой встали Корнев и Палаганюк. Последнего тоже забросило в немецкий тыл командование Красной Армии. «Николаевский центр», имевший свою типографию, развернул широкую пропаганду среди населения. На площадях и улицах города, в магазинах и других людных местах стали появляться листовки. За полгода их было отпечатано и разброшено свыше пятнадцати тысяч. Кроме того, подпольщики создавали места для укрытия молодежи, спасая ее от угона в Германию. Была налажена связь с военнопленными в Херсонском лагере. Туда тоже забрасывались листовки. С помо-

щью полицейских из числа русских устраивались побегии военнопленных.

Соколов со своей группой чекистов в состав «Николаевского центра» умышленно не вошел. Это решение было санкционировано Москвой: в широкую организацию легче было проникнуть провокаторам. Но связь с подпольем у чекистов все-таки была. Единственным связным был Гавриленко. Корнев же, имея громадный опыт конспирации, возглавлял всю работу Сопrotивления. Никто из членов этой организации, кроме Соколова, не знал даже вымышленной фамилии Лягина — Корнев. Патриоты считали, что всю месть врагу вершит советский майор с подпольным именем Кэн. Для диверсионной работы его группы предназначались мины и взрывные устройства, которые изготовлялись на судостроительном заводе при явном попустительстве инженера Корнева.

Разумеется, было бы неправильно думать, что противник не догадывался о силе подполья. Германский контрразведывательный орган («Абверштелле») юга Украины и четвертый отдел службы безопасности (СД) принимали усиленные меры к розыску Кэна и его помощников. Для этой цели была создана специальная оперативно-следственная группа, во главе которой стоял оберштурмфюрер СС доктор Шпанн, затем его сменил оберштурмфюрер Хеген-штайд. В эту группу немецких ищеек вошли также тридцатитрехлетний следователь Релинк и сорокалетний сотрудник управления полиции Рункель. Поняв, что

прямые средства борьбы с подпольем ничего дать не могут, они прибегли к провокациям.

Релинк выехал в Херсон, где в лагере военнопленных завербовал изменника Родины Круглова, который добровольно перешел через линию фронта на сторону немцев. Релинк устроил ему побег из плена, и Круглов появился в Николаеве. Он хорошо выучил данную ему карателями легенду, выдавая себя за участника патриотического движения в Таврии, которым будто бы руководит бежавший из плена советский полковник Пеньков. По заданию Пенькова он и прибыл в Николаев, чтобы установить связь со здешним подпольем.

Задумано все было довольно хитро. Провокатор старался вовсю. Постепенно он вошел в круг подпольщиков и стал добиваться встречи с руководством «Николаевского центра». Но, видимо, немецкий агент перестарался. Его назойливость вызвала недоверие у Корнева, Соколова и Палаганюка. «Этот субчик из кожи лезет, что-то тут нечисто, — заметил Соколов в разговоре с Корневым. — Надо предупредить ребят, чтоб больше с ним не якшались».

Руководители «Николаевского центра» на встрече с Кругловым не пошли. Релинк все понял и арестовал тех подпольщиков, с которыми Круглову удалось сблизиться. К счастью, арестованные почти ничего не знали о структуре организации, но все-таки кто-то из них, не выдержав пыток, назвал Палаганюка. Его и еще нескольких товарищей взяли в гестапо. Из допросов арестованных немцы узнали немного.

Но стало ясно одно: всем Соппротивлением в Николаеве руководит советский офицер с английской фамилией Кэн.

Глава двенадцатая

ЧТО БЫВАЕТ, КОГДА «СЛИШКОМ ЛЮБЯТ ЖИЗНЬ»

Поздним февральским вечером 1943 года следователь СД Релинк принимал на конспиративной квартире Марию Любченко.

«Не кажется ли вам, госпожа Любченко, что мы зря освободили вас из-под стражи?» — спросил немец. Он был явно зол, так как только что узнал о капитуляции Паулюса под Сталинградом. «Я вижу, что мы напрасно сохранили Вам жизнь, — продолжал он, — надо было вас расстрелять, а еще лучше повесить. Что вы сделали для великой Германии в благодарность за спасение вашей жизни? Две-три базарные торговки, ругавшие фюрера, — вот, с позволения сказать, вся ваша деятельность. А в городе что ни день, то диверсии».

Любченко поняла, что находится между двух огней. Сейчас ей угрожает Релинк, а скоро придется держать ответ перед своими. Мурашки забегали по спине предательницы, и она почти невольно спросила: «Правда, что под Сталинградом русские окружили целую немецкую армию?». Релинк побледнел от

неожиданности. «Откуда вам стало известно об этом?» — выдавил он. — «Инженер Корнев рассказывал». — «Корнев? Вероятно, проболтался адмирал Бодкер, — подумал Релинк. — Ведь он всегда держит поблизости этого инженера». Досадуя на беспечность некоторых высших чинов рейха, Релинк решил, что было бы нелишне проверить этого Корнева.

После ухода Любченко он начал рассуждать: «Инженер из Ленинграда. Прибыл перед самым приходом наших войск... Владеет немецким и английским... А что, если это и есть тот самый Кэн?». Релинк еще раз вызвал Любченко и обстоятельно проинструктировал ее о том, как она должна выполнить его задание по проверке Корнева. Для верности еще раз напомнил, что веревка для нее давно припасена.

А между тем Корнев ничего не подозревал. Марию Любченко он знал с первых дней пребывания в Николаеве. Она почти ежедневно бывала в доме Дуккертов. Корнев знал, что гестапо арестовывало Любченко, но ему также было известно, что она состояла в партии и что горком оставил ее в городе для подпольной работы. Надежный человек среди врачей ему был просто необходим.

Решив прощупать обстановку, Корнев рассказал Любченко о разгроме немцев под Сталинградом. Вскоре она сама начала разговор о событиях на фронте. При этом откровенно призналась, что ждет «своих», рада была бы хоть чем-нибудь помочь, да не знает, как это сделать. Затем «спохватилась», что сказала лишнее, заплакала и стала умолять Корнева

не выдавать ее немцам — «ведь он так близок к ним...». Виктор Александрович успокоил ее, дав понять, что считает унижительным для себя «наушничать» и таким образом выслуживаться перед оккупантами.

Дальнейший ход событий подтолкнули неожиданные обстоятельства. Население Николаева, как и многих других городов, немцы привлекали к строительству оборонительных сооружений. Получил повестку из горуправы для выезда на окопные работы связной Корнева Гавриленко. Корневу не хотелось отпускать его. А что делать? И он решил прибегнуть к помощи Любченко, помня о том, что она оставлена с заданием укрывать в больнице под видом больных попавших в сложное положение подпольщиков. Виктор Александрович попросил Марию выдать справку одному из его знакомых об освобождении от трудповинности по болезни. Любченко согласилась, но схитрила, сказав, чтобы знакомый Корнева пришел к ней в поликлинику для того, чтобы заполнить амбулаторную карту и поставить печать.

Угрозы Релинка и обещанная награда за поимку майора госбезопасности сделали свое дело. Как позднее выяснится, Любченко никогда не была убежденной коммунисткой. После освобождения города Николаева она будет арестована нашими органами госбезопасности и на следствии признается, что в партию вступила, рассчитывая получить должность главного врача. На суде ее спросят, почему она встала на путь измены, и Любченко ответит: «Слишком любила жизнь...».

*Г. Т. Гавриленко — член разведгруппы.
Фотография из личного архива Б. В. Соколова*

Гавриленко пришел в поликлинику, а там его ждала засада. Нет, немцы не тронули его. Они просто устроили за ним постоянную слежку. Так они думали выследить других участников подполья и взять их с поличным. Правда, у Релинка не было никаких прямых улик против Гавриленко, который, вполне возможно, просто не хотел трудиться на рытье окопов. Да и трудно было что-либо предпринять против Корнева, имевшего такого влиятельного покровителя, как адмирал Бодекер.

Глава тринадцатая

ПРОВАЛ

Поезд отходил от станции Николаев поздно ночью. Соколов помахал сигнальным фонарем: «Готово, можно отправлять». Как только состав тронулся, на подножку вагона прыгнул Гавриленко. Соколов пропустил его в тамбур, решив, что никто ничего не заметил, так как ночь была по-южному темная, а освещения не было: соблюдались правила светомаскировки. Ах, если б знал Соколов, что Гавриленко находится под неусыпным контролем гестаповцев!

На станции Трихаты, как и было рассчитано, состав встал. Рядом остановился эшелон, идущий на фронт. На площадках под брезентом угадывались танки. Соколов и Гавриленко приготовили мины замедленного действия. Поблизости никого не было. Постовой отошел к другому концу вагона. Соколов

нагнулся, чтобы прикрепить мину к колесной паре. В это время перед ним выросли двое вооруженных людей в штатском.

— Руки вверх! Что вы здесь делаете?

— Я кондуктор с грузового состава. Мне показалось, что у этой колесной пары неисправность. Очень искрило. Могла произойти авария. Я хотел помочь.

— Где ваше рабочее место?

— Вот здесь.

Вошли в вагон и увидели Гавриленко.

— Кто такой?

— Мой помощник.

— Видели мы уже однажды этого помощника.

Сделали тщательный обыск. Нашли неиспользованные мины. Поймав двух диверсантов с поличным, Релинк распорядился о немедленном аресте Корнева. Вместе с ним арестовали и четвертого чекиста — Молчанова, пришедшего для встречи с Корневым на конспиративную явку.

Глава четырнадцатая

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ГЕРОЕВ

На допросах и очных ставках чекисты держались мужественно. Стойко переносили издевательства и пытки. Сидевшие в одной камере с чекистами впоследствии рассказывали, что с допросов те возвращались жестоко избитыми... После окончания след-

ствия арестованных перевели из камер СД в городскую тюрьму, откуда их вместе со всеми заключенными под охраной полицейских выводили на земляные работы на берег реки Ингул.

Но и в городской тюрьме гестаповцы не оставляли чекистов в покое. Релинк не раз приезжал к ним с предложением «сослужить службу германскому рейху». Однако с вербовкой у него ничего не вышло. Квартирная хозяйка, у которой жил Соколов до ареста, несколько раз ходила в тюрьму, принося ему передачи. Однажды ей даже удалось получить от него записку. В этой записке Александр сообщал, что после категоричного отказа служить немцам его положение сильно ухудшилось. «Меня ждет смерть, — писал Соколов-Васильев. — Я ее не боюсь и приму гордо. У меня остались дома два сына: Олег и Владислав. Когда наступят хорошие времена, пусть вспомнят обо мне».

Узнав о том, что чекистов вместе с другими заключенными выводят на работу, сотрудники подпольной группы стали готовить им побег. Один из чекистов, по фамилии Наумов, переодевшись в форму полицейского и подкупив конвоиров, проник к месту работы заключенных и встретился с Корневым и Васильевым. Но оба они категорически отказались бежать без Гавриленко и Молчанова и предложили заняться подготовкой побега всех четверых.

Через некоторое время Наумов вновь встретился с заключенными. На этот раз они договорились о деталях и наметили день побега.

В условленный день заключенных как обычно вывели на работу под конвоем. Корнев, Соколов, Молчанов и Гавриленко на этот раз были в одной группе. Все складывалось вроде бы удачно. К трем часам дня к берегу Ингула должны были доставить одежду для переодевания. Но часом раньше из этой группы бежал уголовник. Поднялась тревога. Всех вернули в тюрьму и на работу в этот день больше не выводили, а чекистов перевели обратно в камеры смертников СД, первыми узниками которых были восставшие в 1905 году матросы крейсера «Очаков». Каждая камера — каменный мешок. Теперь уж побег был невозможен.

Первым расстреляли Молчанова. Это было 17 февраля 1943 года, а 29 мая вывели на расстрел Александра Соколова. «Господин Васильев, быть может, Вы передумали с отказом служить рейху?» — спросил Релинк. «Вы хотите, чтоб я умер, проклинаемый Родиной?» — вопросом на вопрос ответил Соколов. Его поставили к стене и хотели завязать глаза. Он отказался и посмотрел в небо. То, что он увидел, сильно кольнуло сердце. Над тюрьмой в яркой сини плыл клин журавлей. «На Вологодчину летят, — подумалось герою. — Что-то нынче они сильно припозднились». Выстрела он уже не услышал.

Лягина-Корнева расстреляли только в июле. Релинк все еще надеялся, что сломит его волю. Не вышло. Обращаясь к выведенному на расстрел, Релинк сказал: «Господин Корнев, вы нанесли ущерб Германии на пятьдесят миллионов рейхсмарок...». Повер-

нувшись к гестаповцу, Лягин ответил: «Жаль, что мало». В тот же день, 17 июля, расстреляли и Григория Тарасовича Гавриленко.

За образцовое выполнение спецзаданий в тылу врага и проявленные при этом героизм и отвагу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 года Лягину Виктору Александровичу (по подполью — Корневу) посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Соколов Александр Васильевич (Васильев) тоже посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени. Отмечены правительственными наградами и другие чекисты Николаевской оперативной группы.

Что же стало с Эмилией и Магдалиной Дуккерт? Им удалось убедить гитлеровцев в том, что обе они не были осведомлены о подпольной деятельности Корнева. Решающее значение при этом имела фраза, сказанная Эмилией: «Как же нам было знать об этом, когда такой опытный комендант, каким является генерал Гофман, жил под одной крышей с Корневым и ничего не подозревал?».

Возможно, немцы не захотели огласки и даже вывезли мать и дочь Дуккерт в Германию. После разгрома фашистов обе женщины вернулись на жительство в нашу страну.

Часть третья ИЗ ОДНОГО КОРНЯ

Глава пятнадцатая

Фарунцев — брат Соколовых

«Чуден Днепр при тихой погоде...», — почему-то вспомнились Борису слова великого писателя, хотя обстановка вроде бы и не очень подходила для таких чисто школьных воспоминаний. Утро 22 сентября 1943 года было действительно тихим. Но Днепр... Правый берег этой реки ошетинился стволами пулеметов, пушек, танков. Там проходил неприступный рубеж фашистских войск.

Борис, замаскировавшись в камышах, тщательно изучал тот участок противоположного берега, куда ночью придется ему переправиться со своими товарищами, захватить плацдарм и удержать до того времени, пока не подоспеют основные силы батальона.

Надо же было случиться такому совпадению! Сегодня Борису как раз исполнилось двадцать восемь лет. Еще вчера он полагал, что утречком напишет очередное письмо домой, днем по-солдатски отметит свой день рождения и хорошо выспится в ожидании форсирования реки.

Герой Советского Союза Б. Н. Фарунцев

Но чуть забрезжил рассвет, вызвал Бориса и его товарища командир взвода и поставил задачу: как стемнеет — начать переправу. Борис хорошо представлял, что это могла быть последняя переправа, да и, может быть, его последний день рождения. До сего времени ему везло, но, кто знает, надолго ли такое везение...

А потом, уже сидя в камышах, почему-то вспомнил, что однажды в мирной жизни, играя в заводской футбольной команде в свой день рождения, забил гол в ворота противника. Усмехнулся и подумал: «Противник-то здесь посерьезней, так что имениннику придется потрудиться, чтоб сделать себе праздничный подарок»...

Борис Николаевич Фарунцев родился 22 сентября 1915 года в деревне Вахрушево Пудегского сельсовета под Вологдой в большой крестьянской семье. В 1927 году он окончил начальную школу и вместе с родителями переехал в Вологду. Вскоре сюда же переехала и семья Соколовых — самых близких родственников Фарунцевых. Двоюродные братья познакомились и частенько проводили время вместе. Конечно, тогда они и не подозревали, как сложится их дальнейшая судьба.

Стране требовались молодые рабочие руки, и Борис Фарунцев после неполной средней школы поступил в ФЗУ завода «Северный Коммунар». Там и работал он до 1937 года кузнецом. Армейскую службу

проходил на советско-финляндской границе. А вскоре началась война с белофиннами, в которой Борис участвовал на Выборгском направлении.

После Финской кампании Фарунцев вернулся на «Северный Коммунар», ставший для него родным предприятием. Был и слесарем, и мастером в бригаде, и, наконец, — начальником цеха.

Началась Великая Отечественная война. Казалось, Борис отвоевал свое. У всех начальников цехов были брони (в тылу тоже нужны были надежные люди, опытные специалисты), но Фарунцев не выдержал и в декабре 1942 года добровольцем ушел на фронт. Командование сразу заметило Фарунцева. Бывший кузнец с хорошей физической подготовкой, опаленный боями на линии Маннергейма, он был направлен на учебу в военно-десантную школу, учился разведке и подрывному делу.

Перед заброской в тыл противника 31 декабря 1942 года вместе с новогодним приветом он писал жене: *«Веруша, через тридцать минут наступит 1943 год. В этом году будет сметен с лица нашей земли злейший враг человечества — гитлеровский фашизм»*. И пусть наш воин-земляк несколько ошибся с этим предсказанием, но вчитайся, современник, в эти строки из прошлого и порадуйся за эту великую веру в Победу. А Фарунцев продолжал в своем письме: *«Я еще не был в боях с немцами, но через некоторое время пойду в бой, и тогда можешь надеяться на меня, что моя рука не дрогнет... Я буду истреблять фашистских собак столько, сколько во*

мне будет сил... Я буду их истреблять за то, чтобы не быть рабами фашистов советским людям, за то, чтобы ты с Ирочкой не видела ужасов и издевательств, которые творят фашистские изверги над советскими людьми, за то, чтобы наш будущий сын не узнал ужасов войны, чтобы его чистое сердце не было омрачено звериным отношением к людям, как делают это сейчас фашистские собаки».

В январе 1943 года разведывательно-диверсионная группа, в которую входил Борис, была заброшена в глубокий тыл противника, в белорусские леса. Сорок пять дней пробыли Фарунцев и его товарищи в немецком тылу, добывая ценные сведения, громя небольшие гарнизоны, устраивая диверсии на железных дорогах.

Однажды группа получила сведения от местных жителей, что на окраине деревни находится вражеский штаб. Запросили по радиации Центр. Оттуда пришел ответ: штаб разгромить, захватить документы и передать их в отряд партизан, с которыми группа имела «воздушный мост». Подход к немецкому штабу был наиболее удобным со стороны леса, который переходил в кустарник, вплотную прилегающий к постройкам. Но как раз с этой стороны был выставлен немцами пулеметный расчет. Стояли морозы, и наши наблюдатели доложили, что пулеметчики попеременно ходят греться в избу, стоящую в полусотне метров от поста. «Сейчас мы их погреем», — сказал командир группы, выслушав дозорных, и приказал

Борису Фарунцеву, как наиболее опытному бойцу, снять часового, захватить пулемет и его огнем прикрыть бросок группы к штабу.

На беду в группе не оказалось маскхалатов. А без них как незаметно подползти к часовому? Недолго думая и невзирая на мороз, Борис на виду у изумленных друзей снял с себя всю одежду, затем надел на голое тело верхнюю одежду, а поверх нее — белое солдатское белье. Осторожно, постепенно убыстряя движение, пополз к цели. Часовой был один, но почти около немца Борис провалился в прикрытую прошлогодней травой и припорошенную снегом яму. Услышав шум, немец насторожился и начал вертеть головой. Однако, ничего не заметив, успокоился и стал приплясывать, чтобы согреться. И тогда Фарунцев напрягся и сильным рывком бросился на немца. Нож мягко вонзился в спину врага. Теперь можно просигналить товарищам: пора!

Пятеро десантников бросились к штабной избе. В считанные минуты все было кончено: фашисты, находившиеся в штабе, уничтожены, ценные документы захвачены. Было принято решение: дальнейшего боя не принимать, исчезнуть скрытно, как и появились. Боевое охранение фашистов, подтянувшееся к штабу, осталось, как говорится, «с носом».

Группа удачливых разведчиков вскоре прибыла в отряд Бати и передала в руки этому прославленному партизанскому командиру захваченные документы. Вот тут-то Борису Фарунцеву и удалось написать еще одно письмо домой, датированное 14 февраля 1943 года.

Глава шестнадцатая

О ЧЕМ ГОВОРЯТ ПИСЬМА

«14.2.43 года. Здравствуйте, дорогие мои, хорошие Веруша и Ируся. Дорогая Веруша, спешу сообщить о себе: жив и здоров. Веруша, дорогая моя, вот уже десять дней я не получаю от тебя писем, и знаешь, как трудно это переживать. Я от тебя последние два письма получил как раз перед отбытием с того места на фронт, и сейчас никакой возможности нет получить от тебя письма, потому что они никак не дойдут до меня. Путь им пока несвободен. Догадайся сама, где я сейчас нахожусь? А до тебя далеко-далеко, между нами поля, и снега, и фронт. Ну, конечно, ... не предполагал встретить, потому что я думал, что человек этого не переживет, а оказывается, русский человек все трудности и лишения может [пережить] и переживет во имя победы над врагом, во имя освобождения нашей Родины. Но знаешь, Веруша, как трудно расставаться со своими товарищами, с которыми уже пришлось расстаться мне. Ну, ладно, дорогая моя Веруша, все равно мы с тобой не разлучимся, все равно скоро встретимся и будем жить вместе навсегда.

14243 года

12

Здравствуйтесь родные мои хорошие
Вася и Шура. Делает Вася
маленькие свободные дела. Живёт и работает
Вася сейчас в лесу. Всё у него
хорошо. Дни и ночи он всё же не спит
и знает как же трудно это сделать
бате. Я от себя прошу вас два письма
получать как раз мне писать
вот сейчас. Сейчас много на работе
и сейчас. Но пока. Вспоминаю
кто получил от себя письмо
потому что они же как же трудно
до меня пишу мне пока. Не забывайте
дочерица сама же я пока пишу
я сейчас. Долго, долго. Сейчас маме
моя и сына и друзей. Ну как-то
лучше бы ~~не~~ не и знаешь. Всегда
потому что я думаю что человек
этого не понимает.

Выдержка из письма Б. Н. Фарунцева,
отправленного жене 14. 02. 1943 г.
из партизанского отряда

С врагом уже встречался не раз и выходил победителем. Немецкие бароны бегут и убежать не успевают. Ну, пока, до свидания, дорогие мои, хорошие, милые, родные Верушенька, Ирусенька и Славик. Береги, Верушенька, сама себя, Ирусю и сыночка. Крепко целую. Ваш Борис».

Приписка вверху страницы в скобках: *«Веруша, береги это письмо как зеницу ока, потому что оно пойдет через бури и огни войны».*

Что ж, любезные читатели, наверное, у вас появились вопросы. Откуда, например, в конце письма новое имя — Славик? И почему этого имени нет в начале письма? Значит, жена сообщила ему о рождении сына?

Нет, ничего подобного солдат еще не знал. Но каким-то шестым чувством верил, что родится у его любимой жены именно сын. Он и имя ему придумал, и написал его в конце письма. Не подвела интуиция воина. Веруша действительно подарила ему сына. Но письмо Бориса слишком долго шло, и сына назвали не Славиком, а Виктором, имея в виду, что это имя переводится как «победитель».

Но вернемся к Фарунцеву и его друзьям. Вскоре они получили приказ перейти линию фронта и вернуться в родную 74-ю дивизию, которая с боями к концу лета 1943 года вышла на берега Десны у Чернигова.

При форсировании Десны Борис Фарунцев первым с группой бойцов переплыл на западный берег и пулеметным огнем прикрывал переправу батальона. Не дав опомниться фашистам, 74-я дивизия взяла направление на Чернигов. Но на пути встретилось хорошо укрепленное село Оболонь. В решающий момент Фарунцев поднял своих бойцов в рукопашную схватку.

В наградном листе, заполненном на Фарунцева, об этом эпизоде говорится: «С криком “За Родину, вперед!”, увлекая за собой бойцов, уничтожил пулеметчика противника, захватил немецкий пулемет и расстрелял из него в упор десять вражеских солдат и двух офицеров».

Село Оболонь было освобождено, а затем дивизия штурмом овладела Черниговом. За участие в этих боях Борис Николаевич Фарунцев был награжден медалью «За отвагу», которую бывалые фронтовики весьма ценили и приравнивали к первому солдатскому ордену.

Потерпев поражение на Курской дуге, потеряв Орел, Харьков, Чернигов, противник все еще помышлял о реванше. Немцы лихорадочно укрепляли линию обороны на правом берегу Днепра. Около года они трезвонили во все колокола, что это неприступный рубеж, за которым можно чувствовать себя в полной безопасности.

И вот войска Центрального фронта неожиданно для врага молниеносным ударом в направлении Бахмача и Нежина, Чернигова и Мнево рассекли страте-

гический фронт противника и уже к концу сентября вышли к Днепру у самого Киева. Теперь предстояло испытать на прочность хваленый правобережный рубеж.

22 сентября, как только начало смеркаться, Фарунцев и его второй номер Болтышев погрузили два пулемета, большое количество патронов и гранат на тщательно подготовленный плот и с помощью группы партизан, хорошо знавших противоположный берег, начали переправу. Из воды выступали только головы пловущих да толкаемый смельчаками плот, замаскированный под большую корягу.

Переправились незамеченными, разведали передний край обороны немцев, окопались. Затем партизаны вернулись на том же плоту обратно для организации переправы части батальона.

Началось форсирование Днепра основными силами. Но случилось так, что переправиться сумел только один батальон. Подход остальных задержался.

Фарунцеву и Болтышеву была дана команда прикрыть огнем переправу первого десанта. Как раз наступил рассвет 23 сентября, и немцы обнаружили сгружавшийся с плотов и из лодок батальон и намеревались расстрелять его. Несколько сотен фашистов поднялись из окопов и попытались выйти на кромку берега. Тут-то и заговорили два пулемета Фарунцева и Болтышева. Высадившийся под их прикрытием десант вынужден был вернуться обратно на свой берег. Вражеские атаки следовали одна за другой то

в лоб, то с флангов. Но наши пулеметы действовали безотказно. Оставив несколько десятков убитыми, немцы, подобрав раненых, вернулись в свои окопы.

Много часов кряду фашисты посылали лазутчиков-гранатометчиков для уничтожения двух огневых точек, обстреливали их из минометов, но безуспешно.

Команды с левого берега к отступлению не было, да бойцы и так прекрасно понимали, что, как только они начнут обратную переправу, сразу же будут уничтожены. Так они и стояли насмерть до конца дня. Уже в сумерках они увидели, что другие батальоны начали форсировать Днепр. Фашисты тоже это заметили и предприняли еще несколько психических атак. Вновь кинжальный огонь смельчаков, и опять десятки трупов на поле боя.

И тут случилась беда. Пуля снайпера сразила наповал друга Фарунцева. Борис остался один. А переправа шла полным ходом. Сорвать ее — значит погубить все. Борис, перебегая от пулемета к пулемету, не давал немцам подняться в атаку. И операция свершилась! Высадившиеся на берег подразделения с ходу вступили в бой и заняли, наконец, надежный плацдарм. Около двухсот трупов фашистов осталось лежать напротив огневых точек Фарунцева и Болтышева. Большое число раненых утащили немцы с поля боя.

16 октября 1943 года Борису Николаевичу Фарунцеву было присвоено звание Героя Советского Союза. Вот как об этом писал сам воин:

«Веруша, дорогая моя! Ты спрашиваешь: за что правительство удостоило звания Героя Советского Союза? Отвечаю: за форсирование Днепра и прочное закрепление на его западном берегу. А получилось это так: 22 сентября, когда мы подошли к Днепру, мне и моему товарищу было приказано первыми переправиться на тот берег, разведать оборону противника и прикрыть переправу наших бойцов. Задачу мы, конечно, выполнили, однако немцы нас заметили, завязался неравный бой — против нас двоих бросилось в атаку около трехсот гитлеровцев. Атаку мы отбили. Мой товарищ геройски погиб. На правом берегу я остался один. Немцы еще три раза бросались в атаку. Но руки мои не дрогнули, а «максим» не подвел. Так немцы и не смогли меня выгнать, сами же отошли, оставив на поле боя сто восемьдесят солдат и офицеров».

В следующем письме он повествует:

«Ты спрашиваешь, когда мне вручат награды? Не знаю и сам. Ехать в Москву сейчас некогда, потому что работы много. Фрицы бегут, бросают все по дороге, и мы их догоняем».

И пошел солдат с боями дальше, освобождая украинскую землю от фашистов:

«Веруша! Я живу хорошо, все по-старому.

6 ноября на рассвете штурмовал Киев. Что там было, после тебе расскажу. Немного меня оглушило взрывом снаряда, но все прошло. Только двое суток в ушах пошумело. А сейчас как ничего не бывало. Чувствую себя хорошо».

Вскоре позади осталась государственная граница. Еще до этого Фарунцеву присвоили звание старшины и назначили командиром взвода разведчиков.

«Здравствуйте, дорогие мои Веруша, Ируся, Витюша, — пишет домой боец уже в январе 1944 года, — как я о вас соскучился. Просто не знаю, как дожидаться, чтобы побывать дома хоть часок. Но все же, Веруша, скоро встретимся. Помнишь, как писал Симонов: “Жди меня, и я вернусь...”. С твоим именем, дорогая, я еще беспощаднее буду бить гитлеровских бандитов».

И вот достойный ответ жены героя, русской женщины:

«За нас не беспокойся, Боря. Ребятишки здоровы, а я терпеливая, все вынесу...».

Шел старшина Фарунцев по дорогам войны, освобождая от фашистов Болгарию, Румынию, Венгрию. Немного не дошел до Берлина. При освобождении Югославии Бориса Николаевича тяжело ранило. На этом и закончилась для него война. После госпи-

тая вернулся в родную Вологду, к жене и детям. Учился, работал в горкоме партии, но все равно ему чего-то не хватало. И вернулся герой на родной завод «Северный Коммунар». Здесь он и работал до выхода на пенсию.

В Государственном архиве Вологодской области как реликвия хранится письмо Героя Советского Союза Б. Н. Фарунцева, которое он послал друзьям-заводчанам со Второго Украинского фронта 7 марта 1944 года:

«Дорогие товарищи!

Выполняя боевой приказ и волю советского народа, Красная Армия, ломая и сметая на своем пути все преграды гитлеровской армии, победоносно движется на запад, освобождая города и села нашей Родины, вызволяет на свет российских граждан из немецкой неволи. И недалек тот час, когда мы полностью рассчитаемся с гитлеровскими бандитами за все злодеяния, учиненные ими на нашей земле, за все муки и страдания советских людей. Для этого требуется от вас, бойцов трудового фронта, дать нам еще больше оружия, боеприпасов и снаряжения. Надеюсь, что вы и впредь не пожалеете своей энергии и сил, не посчитаетесь со временем, выполните любое задание фронта. А я не жалел и в грядущих боях не пожалею своей крови, а если понадобится, и жиз-

ни для полного освобождения нашей Родины от гитлеровских бандитов.

Более тысячи километров я прошел с боями в составе своего боевого полка на запад, участвовал в освобождении более 60 населенных пунктов...

Были такие бои, когда жизнь решалась минутами, секундами... Тогда я не думал о смерти и жизни. А только думал, что отступить нельзя, сзади меня моя Родина, мой народ. И гитлеровские паразиты захлебывались в своей черной крови и отступали, уступая своими горе-завоевателями нашу родную землю...

Перед Родиной и советским народом клянусь, что там, где ступит моя нога, там не пройдет немецкий сапог до тех пор, пока бьется в моей груди сердце, а руки в состоянии держать оружие!

С фронтовым приветом Герой Советского Союза Б. Фарунцев».

Возможно, кому-то из читающих эти строки, тон письма покажется очень высокопарным. Что ж, нам будет жаль этого человека. Видимо, не понять ему, что, не будь такого душевного настроения у большинства наших доблестных воинов в годы Великой Отечественной войны, не читать бы ни ему, ни всем нам этих пропахших порохом строк.

Часть четвертая

БОРИС СОКОЛОВ

Как видите, дорогие читатели, заголовок, вынесенный нами на обложку книги, оправдался. То, о чем мечтал Василий Жуков, взяв себе фамилию Соколов, осуществили его потомки. Они взлетели действительно высоко. О двух «полетах», связанных с воинскими подвигами, вы уже прочитали. Нам осталось познакомить вас еще с одним замечательным «полетом», педагогическим. И для этого мы откроем некоторые страницы жизни Бориса Васильевича Соколова, ученого-физика, преподавателя Вологодского педагогического университета, автора многих научных изысканий, воспитателя большого числа учителей-физиков, работающих на ниве образования в школах страны.

Глава семнадцатая

ДОСЬЕ МЛАДШЕГО СОКОЛОВА

Есть в архивных документах Вологодского педагогического университета фотография, которой вуз гордится. Подпись под ней гласит:

«Группа преподавателей, бывших студентов, окончивших аспирантуру в родном институте».

Б. В. Соколов

Снимок этот был сделан в 1967 году, один из девяти человек, запечатленных на нем, — Борис Васильевич Соколов.

В отделе кадров университета нам выдали личное дело Бориса Васильевича. И что бросилось в глаза: куда бы ни забрасывала судьба сначала студента, потом преподавателя Бориса Соколова, всегда он возвращался к истокам своего научного пути.

Путь этот начался в 1934 году. Надо ли говорить, что это был за год в истории страны нашей? Вы думаете, что случайно в автобиографиях Бориса Соколова из года в год повторялось: «Репрессированных элементов среди родных не имеется»? Да и откуда было появиться репрессированным? Неужели от крестьянских корней его деда, хотя и такие «закидоны» были в истории. Или от брата, ученика в мясной лавке, отдавшего жизнь за Советскую Родину?

Короче говоря, к «сороковым-роковым» Борис Соколов окончил Вологодский пединститут (ныне — университет), полтора года проработал преподавателем на кафедре физики и усердно готовился к сдаче вступительных экзаменов в аспирантуру.

Но поступление в аспирантуру не состоялось... Шел 1939-й год. Страну нашу нередко испытывали на прочность граничащие с ней государства. Особенно усердствовали с востока самураи. В связи с этим все брони от призыва в армию были отменены, и в конце декабря 1939 года Борис Соколов вместе с другими новобранцами трясся в теплушке воинского эшелона, отправлявшегося на Дальний Восток.

Срочная воинская служба в армии была недолгой: в середине июня 1941 года Соколов успешно сдал экстерном экзамены на звание младшего лейтенанта и уже ждал приказа на демобилизацию.

Но и год 1941-й и месяц июнь оказались роковыми: за несколько дней до демобилизации со срочной службы началась Великая Отечественная война. Пребывание в армии сильно задержалось и заняло полных семь лет — с 1939 по 1946 год.

После Великой Отечественной войны на «острые вопросы» анкет наш герой отвечал спокойно, твердо, а главное, справедливо:

«Служил ли в старой армии?» — «Нет!»

«Был ли в плену?» — «Нет!»

И на следующий вопрос: «Находился ли на территории, оккупированной немцами в период Великой Отечественной войны?» — он также ответил: «Нет!».

Стоп! Вот тут Борис Соколов с великим удовольствием написал бы — «Да!». Но та дорога выпала не ему. В немецком тылу был его старший брат. Но Борис поначалу и не ведал об этом. Лишь в конце 1943 года узнал он из письма матери, что его любимый брат Саша погиб. И вряд ли приходило на ум японским самураям из Квантунской армии, что те снаряды, что обрушивал на их головы минометный взвод командира Бориса Соколова, были заряжены не только взрывчаткой, но и святой местью младшего брата за расстрелянного старшего.

Однако всему бывает конец, в том числе и войне. И в 1946 году двадцативосьмилетний офицер вер-

нулся к мирной жизни. И сразу встал выбор: куда идти?

Невольно вспомнился пединститут. В памяти отложилось все: и как впервые переступил порог вуза и по лестнице поднялся в приемную комиссию, чтобы подать заявление; и как по той же лестнице выбегал после занятий на улицу вместе с однокурсниками, обсуждая по пути события дня; и как впервые подал еще одно заявление в дирекцию вуза, после чего последовал приказ за номером 185 (и эти цифры надежно отпечатались в сознании), где была фраза: «Назначить с 1 сентября сего года на должность преподавателя физики товарища Б. В. Соколова».

Глава восемнадцатая

РАССКАЗ БОРИСА СОКОЛОВА

8 августа 1945 года Советский Союз, выполняя свои обязательства перед союзниками по антигитлеровской коалиции, объявил войну последнему союзнику Германии — милитаристской Японии. Предстояло войскам, дислоцировавшимся на Дальнем Востоке, ликвидировать последний очаг агрессии мировой войны. Наш 134-й стрелковый полк должен был форсировать Амур в районе города Лобзэй, находящегося на противоположном берегу, и продвигаться дальше в направлении Цзямусы—Харбин. Мы давно и с волнением ждали этого часа!

Переправа через Амур началась ранним утром 9 августа 1945 года. Но особенно хорошо запомнилась ночь... На землю обрушились проливные дожди с грозой. Казалось, что раскаты грома сотрясают и землю и небо, а молнии, сверкая и образуя длиннющие зигзаги, лишь на миг проясняли небо, а затем еще в большей мере усиливали непроглядную темень.

Район для ведения наступательных боевых действий был очень трудным, а по рельефу (да и не только по нему) напоминал нынешнюю Чечню. Маньчжурскую долину, где была сосредоточена Квантунская армия, прикрывали горные хребты — прославленные Маньчжурские сопки, реки и множество речушек. Местность была очень пересеченной. Дороги, по которым мы шли, были сильно размыты дождями и представляли собой сплошное месиво. Мосты через преодолеваемые реки были, как правило, взорваны, а деревянные — сожжены отступающими или разбежавшимися по сопкам японцами. Нередко у деревянных столбов подпиливались опорные столбы так, что они все равно становились негодными для прохода артиллерии и танков.

Поэтому часто приходилось продвигаться по бездорожью через болота и таежные дебри. Вспоминается случай, когда моему минометному взводу вместе с повозками с боеприпасами более километра пришлось двигаться прямо по железнодорожным шпалам.

Несмотря на тяжелейшие марши, мы успешно продвигались вперед. Наступление было столь стремительным, что враг не успевал оказывать достаточно организованного и стойкого сопротивления. Мы продвигались по двадцать пять — тридцать километров в сутки. За десять дней продвинулись более чем на триста километров (был настоящий блиц-криг). Это требовало от всех нас огромных (предельных!) усилий. А отставать от подразделений, и тем более от части, было нельзя. Отставших японцы, разбежавшиеся по сопкам, подвергали бесчеловечным надругательствам и убивали.

Мы были уже недалеко от Харбина, когда напряжение вдруг спало: 19 августа началась массовая сдача японцев в плен.

2 сентября Япония безоговорочно капитулировала, и мы стали возвращаться на свою территорию...

Глава девятнадцатая

НАУКА И ЛЮБОВЬ

На семь лет армейская служба прервала педагогическую деятельность молодого физика. И вот он вновь входит через знакомую дверь в здание на улице Маяковского. Альма-матер тепло приняла бывшего студента и бывшего ассистента кафедры физики, на груди которого теперь красовалась медаль «За победу над Японией».

М. Д. Соколова

Случилось это в конце 1946 года.

Они встретились в вузовском коридоре: двадцатитрехлетняя устюжанка Маргарита Горбовская, недавно начавшая преподавать английский, и демобилизованный воин Борис Соколов, вернувшийся на физмат после дальневосточной кампании. Прошли, обменялись взглядами, отметили, что оба очень привлекательны. А вскоре на одной из преподавательских вечеринок познакомились ближе. И как-то так получилось (видно, и впрямь браки свершаются на небесах), что встречи стали чаще.

Однако земной брак был нескорым. Люди того времени, не в пример нынешней молодежи, умели сдерживать порывы. Свадьба состоялась, когда Борису уже перевалило за тридцать. А перед этим — свидания и объяснения то на русском, то шутливо — на английском (Борис Васильевич знает толк в двух иностранных языках, о чем не без гордости сообщал в анкетах).

К тому же надо сказать, что и разлуки были часты. Соколов наверстывал упущенное в военные годы. Физика и в школе была для него любимым предметом, потом эту любовь усилила предвоенная институтская учеба. Теперь же, в мирные дни, ушел человек целиком в науку. А для того чтобы углубить знания, приходилось ездить на переподготовку то в Москву, то в Ленинград.

О том, что Борис Васильевич сумел многое сделать для кафедры общей физики, свидетельствуют

факты. Об этом говорят внушительные папки с благодарственными словами и от студентов, и от коллег-преподавателей.

Вот, например, слова из приветственного адреса к 65-летию Бориса Васильевича: *«Значительной части из нас посчастливилось быть среди Ваших учеников. Глубоко в памяти остались Ваши блестящие лекции, строго логичные, насыщенные научным материалом и вместе с тем доступные для студента благодаря высокому методическому мастерству лектора. Много сил Вы отдаете созданию и совершенствованию лабораторий кафедры, постановке практических и других видов занятий. В практической работе мы всегда получаем от Вас квалифицированную теоретическую и методическую помощь»*. Совсем не случайно коллеги неоднократно избирали его на должность доцента, а затем и заведующего кафедрой.

А между тем молодая семья росла и жила счастливо. Маргарита Дмитриевна подарила Борису Васильевичу троих детей. Ученый-физик души не чает в них. Одно время, правда, он сокрушался, что все три дочери выбрали педагогическую стезю не по отцу, а по матери. И хотя были у них склонности к точным наукам (старшая дочь Анна Борисовна в школе увлеклась физикой и математикой), но в конце концов приверженность к английскому языку победила.

Борис Васильевич, вспоминая свои переживания по поводу такой явной «несправедливости», отшучи-

вался: *«Все годы живу в иноземном окружении... Ничего не попишешь. Одно утешает, что хоть понимаем друг друга».*

Действительно, в большой семье Соколовых царит взаимопонимание. И женская часть ее, составляющая подавляющее большинство, с уважением всегда относилась, да и сейчас относится, к мужскому главенству в доме.

Анна Борисовна, например, с улыбкой признается: *«Мы, четыре женщины, за папой всегда как за каменной стеной. Верите ли, тут как-то он был в долгой отлучке, и маме пришлось исполнить такую операцию, как плата за квартиру, так она была в некоторой растерянности и даже спрашивала у знающих людей, как эта процедура происходит».*

Глава двадцатая

КРЫЛЬЯ ИСПЫТЫВАЮТ В НАСТОЯЩЕМ ПОЛЕТЕ

Три года назад Борис Васильевич Соколов был потрясен печальной новостью: пресса опубликовала некролог о том, что скончался видный ученый Григорий Васильевич Кисунько. Человек этот, еще будучи аспирантом ЛГПИ им. А. И. Герцена, недолгое время (летом 1939 года) читал лекции на заочном отделении Вологодского пединститута, и поскольку преподавал теоретическую физику, то близко сошелся с Борисом Васильевичем.

«Знакомство с ним, — признается Соколов, — меня буквально потрясло. Это был интереснейший собеседник, причем разговоры его всегда сводились к новинкам любимой обоими нами науки. И хотя разделы столь широкого поприща, каким является физика, у нас были свои, но меня всегда подкупала целеустремленность Григория Васильевича».

Действительно, немногим из современников известно, что имя Г. В. Кисунько долгое время у нас в стране было засекречено почти так же, как это было с именами Курчатова, Королева и других флагманов науки, являющихся гордостью нашего государства.

Сейчас уже можно во всеуслышание говорить, что Г. В. Кисунько стоял у истоков и был Генеральным конструктором всей противоракетной обороны СССР. Кому интересно будет узнать об этом подробнее, достаточно хотя бы обратиться к номерам газеты «Советская Россия», вышедшим 7 октября 1999 года и 6 марта 2001 года. Мы же, вспоминая об этом поистине великом деятеле, должны здесь сказать, что в 1949 году судьба еще раз свела Бориса Соколова и Григория Кисунько. И произошло это в Ленинграде, куда аспирант Соколов был направлен для прохождения стажировки в физико-техническом научно-исследовательском институте Академии наук СССР. Борису Васильевичу предстояло выполнить некоторые экспериментальные исследования, чтобы в дальнейшем защищать диссертацию.

Однажды в коридоре НИИ и столкнулись два знакомых человека. Григорий Васильевич, несмотря на

разницу в общественном положении, не прошел с важным лицом мимо, как это часто бывает, а радушно раскинул руки для приветствия: «Какими судьбами? Рад встрече! Вечерком обязательно ко мне на квартиру...».

Этот вечер остался в памяти Бориса Васильевича. Григорий Васильевич придирчиво расспрашивал гостя о его научных экспериментах. Вот тогда-то и прозвучала значительная для Соколова фраза академика Кисунько о том, как и где следует «испытывать крылья».

Читатели помнят, что Бориса Соколова всегда отличала некоторая оригинальность. Ведь уже в начальную школу он поступил не в первый класс, а сразу во второй. Конечно, тут сыграли роль его незаурядные способности.

Но надо ли говорить, что такое исключение из правил ему понравилось. Поэтому он предпринял попытку и после окончания седьмого класса неполной средней школы поступить в педучилище тоже сразу на второй курс. Пожалуй, оно все так бы и получилось: знания, бывшие у Бориса, вполне позволяли это. Но подвело абитуриента одно обстоятельство: в неполной средней школе не было такого предмета, как педагогика, а для того чтобы быть принятым на второй курс педучилища, надо было сдать экзамен по педагогике. Но этого он не захотел делать, и вопрос отпал. Однако после окончания 9 класса он не стал поступать в десятый, а по совету классного руководителя Марии Ивановны Чуевой поступил в Вологодский пединститут.

И потом, будучи уже студентом вуза, Борис выделялся большой одаренностью. Его однокурсники, да и тогдашний преподаватель физики Анатолий Владимирович Кузьминский с восторгом наблюдали, как студент первого курса Соколов на экзамене по физике уверенно выводил закон всемирного тяготения, после этого был сфотографирован своим однокурсником.

Когда наступила пора защиты диссертации, Борис Васильевич тему тогда выбрал тоже необычную. Он исследовал свойства 34-го элемента таблицы Менделеева, именуемого селеном. И не просто те свойства, которые этот элемент имеет исконно, так сказать, от природы. Экспериментатор решил взглянуть, как меняются свойства селена при изменении температуры вещества, при добавках к нему других элементов, например йода. Под воздействием этих факторов селен менял свою электропроводность, по сути, он становился полупроводником, что могло быть использовано в элетрорадиотехнике. Нашли свое применение опыты диссертанта и в практике преобразования электротока из переменного в постоянный.

И еще добрые искорки загораются в глазах Соколова, когда заходит речь о его учениках. Можно без преувеличения сказать, что трудятся они сейчас по всей стране. Борис Васильевич молодеет лицом и начинает загибать пальцы:

«Это — доктор-биофизик Куроптева. Это — профессор Гусакова. А для перечисления кандидатов

наук пальцев не хватит: их больше 20. А за границей: Светицкая — в США, Гусев — в Канаде. Да и мама Гусева, София Анатольевна, руководительница деревенского клуба «Сударушка», тоже училась у меня. И, наконец — теперешний глава нашего педуниверситета А. П. Лешуков.»

В его домашнем архиве хранятся многочисленные благодарственные письма (даже в стихах!) от учеников и последователей.

Глава двадцать первая

«УЧИТЕЛЬ, ВОСПИТАЙ УЧЕНИКА...»

Не так давно у Александра Павловича Лешукова был юбилей. 50 лет — это первый рубежный возраст, так сказать, первая вершина, с которой всегда неплохо оглянуться на пройденный путь и подвести первые итоги.

Ректору ВГПУ есть чем гордиться. Годы его руководства вузом совпали с весьма сложным периодом в истории высшей школы России. И в том, что пединститут не только «выжил», но и получил статус педуниверситета, была не просто удача.

Немалое значение имели здесь и любовь к институту, понимание нужд коллектива, желание сделать университет одним из лучших не только в области, но и во всем государстве.

А. П. Лешуков

Во время чествования юбиляра звучали имена его учителей. И среди этих имен почетное место заняла фамилия одного из героев этой книги.

Безусловно, Борис Васильевич Соколов благотворно повлиял на судьбу своего ученика. Это и не удивительно. Биографии Соколова и Лешукова во многом схожи. Оба они выросли в крестьянских семьях. Оба мерили сугробы по дороге в начальные сельские школы, оба пережили в детстве трудную, не очень-то сытую пору и испытали в юности тяжелый физический труд. Оба с честью прошли военную службу. Оба связали свою жизнь с малой родиной, оба остались верны родному вузу, оба внесли свой вклад в науку.

И, перебирая в памяти имена своих учеников, Борис Васильевич Соколов с удовлетворением вспоминает известную фразу, ставшую уже давно крылатой: «Учитель, воспитай ученика, чтоб было, у кого потом учиться!».

Глава двадцать вторая

СЛУЖЕНИЕ НАУКЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Судьба наделила Бориса Васильевича еще одним счастьем. Бок о бок с ним всегда находятся родные и близкие люди. И пусть некоторые из них живут не на улице Энгельса в Вологде, а на других улицах, в других городах и даже странах, но их руки, плечи, их души все-таки рядом.

Неподдельная гордость звучит в голосах Бориса Васильевича и его супруги Маргариты Дмитриевны, когда заходит речь об их детях. Разве не радостно, что расправляли крылья на университетских горизонтах все три дочери Соколовых — Анна, Мария и Ирина. И каждая из них достигла заметных высот на ниве преподавания иностранных языков. И семьи у них сложились учительские.

А внуки? Далек ли их «полет»? Что касается самой младшей, любимицы бабушки и дедушки, Дашеньки: учится девочка сразу в двух школах, в общеобразовательной и музыкальной. И еще в семье говорят: «Центр внимания — это Даша. Когда звонит телефон, это, как правило, к трубке просят Дарью Алексеевну. То подружка просит подтвердить домашнее задание, то мальчишеский голосок просит совета. Так-то вот».

Внуки и внучки постарше тоже грызут гранит науки. Евгений учится в военном институте, Екатерина — на факультете иностранных языков ВГПУ. А Ольга всех удивляет: сейчас она живет в Дании, за год окончила трехгодичную школу датского языка и поступила там в университет. В письмах деду и бабушке сообщает, что собирается поступить еще на какие-нибудь курсы: «В жизни пригодится».

Что ж, Борису Васильевичу приятно видеть в потомстве ту же энергию, что была присуща всем Соколовым.

* * *

Мы рассказали лишь о трех ветвях крепкого семейного древа Соколовых — Фарунцевых. Каждая из описанных здесь историй по-своему уникальна. При всем различии жизненных путей у персонажей книги много общего. Общность эта состоит в том, что на таких людях держится земля наша. Не будь у нее столь мужественных детей, не устоять бы в мировых бурях, какие выпали и продолжают выпадать на суровую русскую долю.

И в самом деле, куда бы ни посылала Отчизна своих сынов и дочерей — на святую битву за счастье народа или на честный трудовой подвиг ради процветания края родного, — везде они вели себя достойно.

На смену идут новые поколения. У них та же выучка, та же крепость духа, та же верность традициям.

Наш замечательный поэт Александр Твардовский сказал однажды:

*Из одного металла льют
Медаль за бой, медаль за труд.*

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю (профессор А. П. Лешуков) 3

Вступление 5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СЕМЬЯ

Глава первая. Как Вася Жуков стал
Василием Соколовым 8

Глава вторая. «Не плачь, мама!» 10

Глава третья. Первое поле боя 13

Глава четвертая. Здравствуй, Вологда! 16

Глава пятая. И выпали богатырям дороги разные... .. 18

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. АЛЕКСАНДР

Глава шестая. Как курсант Соколов стал разведчи-
ком Васильевым 20

Глава седьмая. Кто хозяин в Николаеве? 24

Глава восьмая. Магдалина Дуккерт-Корнева 26

Глава девятая. Первые диверсии 33

Глава десятая. Смерть Сидорчука 36

Глава одиннадцатая. Провокатор 40

Глава двенадцатая. Что бывает, когда «слишком
любят жизнь» 43

Глава тринадцатая. Провал 47

Глава четырнадцатая. Последние дни героев 48

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ИЗ ОДНОГО КОРНЯ

- Глава пятнадцатая. Фарунцев — брат Соколовых 52
Глава шестнадцатая. О чем говорят письма 58

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. БОРИС СОКОЛОВ

- Глава семнадцатая. Досье младшего Соколова 69
Глава восемнадцатая. Рассказ Бориса Соколова 73
Глава девятнадцатая. Наука и любовь 75
Глава двадцатая. Крылья испытывают в настоящем полете 79
Глава двадцать первая. «Учитель, воспитай ученика...» 83
Глава двадцать вторая. Служение науке продолжается 85

Леонид Арабков

Юрий Леднев

«Взвейтесь, соколы, орлами!»

Документальная повесть о героических подвигах
представителей двух вологодских семей

Редподготовка — Л. И. Безнина,
Т. И. Ковалева, Ю. С. Кудрявцева

Подписано к печати 06. 07. 2001. Формат 70x100/32. Бумага
офсетная. Печать офсетная. Уч. -изд. л. 3,5. Усл. печ. л. 3,9.
Заказ № 2869. Тираж 2000 экз. Цена договорная.

160035, Вологда, С. Орлова, 6, ВГПУ, издательство «Русь».
Отпечатано: ООО ПФ «Полиграфист», 160001, г. Вологда,
Челюскинцев, 3.